

Надежда БАБКИНА: "ПОЧЕМУ Я ДОЛЖНА ПЛАТИТЬ? МНЕ ДОЛЖНЫ ПЛАТИТЬ!"

Сцена - Санкт-Петербург - 1993 - 3 февр - с. 5

БОГ МОЙ, сколько же в ней энергии! Она расточает улыбки и комплименты, вокруг нее всегда народ, и хотя я заметил, что она людей видит насквозь, все равно каждому кажется, что именно к нему она расположена как-то особенно. И на сцене, и за кулисами Надежда Бабкина в центре внимания. Надя умеет поставить себя так, чтобы ее ценили, — то своим обаянием, то матерным словом, то напором, а то и лаской. Но за себя, похоже, печется меньше, чем за других — сколько ребятам из своего ансамбля «Русская песня» помогла прожить квартиры в Москве, а сама так и застряла на хрущобе на первом этаже.

Приходится лишь удивляться, что женщина и певица такого темперамента могла почти двадцать лет проработать на эстраде, прежде чем была оценена по достоинству. Лишь два года назад мы узнали новую Надю Бабкину, и произошло это, в общем-то, случайно...

— СЕЙЧАС МОЯ ФАМИЛИЯ и мое дело как бы на поверхности, и поэтому ко мне резко возрос интерес. Всякий — и негативный и положительный. Сколько мне добрых слов говорят, если бы вы, Миша, знали, но сколько — и нехороших. Никогда таких гадостей не слышала.

Когда я жила спокойно и занималась только русской песней, все было тихомирно. А сейчас даже артисты подходят и говорят: «Брось ты это дело, Надя, оставь ты эти романсы. Занимайся своим ансамблем, что ты лезешь в звезды!»

Как будто я чьи-то аплодисменты слышу. А знаете, почему я раньше не появлялась? Все эти администраторы, чиновники, редактора не давали. Сколько раз просила: «Дайте мне соло, я всем покажу, что тоже кое-что умею!». Нет! Пой в ансамбле, занимайся своей русской песней, певиц у нас полно. А я все равно продолжала петь для друзей, в компаниях.

Два же года назад, на концерте в Витебске, мои друзья меня и спродюсировали. Ты, мол, член жюри, а у нас члены жюри должны спать. На десять тысяч зрителей, да еще в прямом эфире. Я вроде не из робкого десятка, но тут подумала: или я себе все, что заработала — и авторитет, и карьеру — одним росчерком пера подпорчу, или... Тогда вышла и живьем с оркестром спела романс, который мне когда-то подарил

это была настоящая народная культура, но почему-то об этом долгие годы не было принято задумываться.

— Хотя, казалось бы, все элементарно!

— А все гениальное просто. — Вы часто говорите в интервью, что бываете в фольклорных экспедициях. Там осталось что черпать?

— Все меньше и меньше, но осталось. Прощай осенью к нам на вечер в концертный зал «Россия» я пригласила из Белгородской области фольклорный коллектив — деревенских бабушек, что и в столице-то никогда не были. Кому за семьдесят пять, кому за шестьдесят, а молодым — по сорок пять.

— Что же им мешало доехать из Белгорода до Москвы?

— Никто не знал. Это же не ансамбль в традиционном смысле. В экспедициях вообще все непривычно происходит. Приходим в одну семью, другую, третью, и где-то подсказывают: там Ванька живет, много песен знает. Находим: «Дядя Ваня, покажите!» А он с недоверием: «Вы кто такие?! Мне сейчас некогда и вообще то да се». Смотришь, артист куда-то в сараюшко сбежал, то ли бражки махнул, то ли еще чего, но возвращается повеселевший: «Ну ладно, рассказывайте, — кто вы такие и чего сами можете?» Так, слово за слово, пошла беседа. Где дядя Ваня отмахнется, где упрется: «Не буду — и все!», а где, наоборот, начинает звать еще Кланьку, а та соседку Маньку, вот уже и подбирается компания человек пятнадцать. На столе чай, а то и что-нибудь покрепче. Включаем магнитофон, слушаем.

Но для них это прикладное. Натрутся, напашутся, бедные, за целый день, приходят домой, а тут еще мы, «профессора», приезжаем изучать их жизнь. Посвоему это и оскорбительно. — Но вы наверняка берете с собой какие-нибудь подарки, «чего-нибудь погорячее» в качестве гонорара? — А как же — где колбасу, где конфеты. Но они не сразу принимают. Это люди такие: надо, чтобы они нам

доверились. Наконец они запевают, поют про свою жизнь. Глядишь, у этого деда зубов половины нет, шепелявит, запишешь это на магнитофон, потом сидишь, корчишься, расшифровывая, еле улавливая текст.

Есть категории народных коллективов, что пытаются сделать один в один этих дедов и бабушек. Но это невозможно и даже неприлично, потому что этот дед, когда ему было лет двадцать-тридцать, пел все по-другому, гораздо интересней — пооткровенней, а сейчас растратил былую силу и энергию. Но, разумеется, осталась идея, которую он способен донести. Часто случалось, что тот же дедушка, когда я ему пою его же песню, чуть не плачет: «Боже, ты как я в молодости!» Мне — лучший комплимент!

— Надя, но когда можно будет перестать ездить по деревням? Ведь деды и бабульки уходят, а молодежь все больше увлечена видамими да насестниками...

— Никогда! Исключено! У моих бабушек из Белгородской области руки в мозолях. Какие они пенсионерки! — по пять коров, по четыре козы, баранчики, свиньи, куры, они в Москву с собой полные баулы привезли. Раскрыли, все натуральное: «Да поешьте нашего мяса, колбаску домашнюю, яйца». Когда увидели, как меня принимал зал, сказали нараспев: «Вот вы как-ка-я, Надежда Георгиевна!», с ног до головы меня оглядели, но уже с уважением, с достоинством. Мы поехали вместе, и только потом я им предложила: «А вы нам споете что-нибудь для записи!» — «Споем. А так, абы кому, мы не поем».

Никогда это не закончится! Тамошняя молодежь все-таки сохраняет традиции. И сейчас, как ни странно покажется, им еще больше «до своих традиций». То, что сейчас показывается и пропагандируется телевидением, деревня не приемлет. Она брезгает этим! Морщится и брезгает, потому что это нормальная реакция на пошлость. То, что крутится

почти каждодневно, не назовешь ни искусством, ни пропагандой каких-то добрых современных идей. Это пошлятина, бестактное отношение к человеку, к любому человеку — и городскому, и деревенскому. Как только этого не понимают наши руководители — уму не постижимому!

— «Русская песня» за семнадцать лет существования подготовила множество программ в разных направлениях. Вас даже упрекали во всеядности, в эстрадности...

— Да, мы поем все! Классику — Римского-Корсакова, Бортнянского, Чайковского, церковную музыку, деревенский фольклор, музыку, которая близка современному слушателю, в аранжировках, сделанных в стилистике народных жанров. Я делаю это умышленно. Народную песню не только изучать как музейный экспонат следует, но еще и раживать, то есть вкладывать свое отношение. Все пойдет впустую, если не относиться к народному жанру как к современному.

— О вас, Надя, о вашем крутом нраве легенды ходят. Говорят, например, что вы на все способны, что любите ругаться матом...

— На все! Но по разуму. Все это враки, что характер мой необузданный. Еще какой обузданный. А ругаюсь тогда, когда уже чувствую, что наступает предел.

Своим музыкантам говорю: «Ребята, когда пошла какая-то пиковая ситуация, вы лучше без каприза подчинитесь мне! Дешевле обойдется!» Да, я ругаюсь, но многие говорят, что из моих уст мат звучит как песня. Я понимаю: это плохо, это безобразно, критикую себя, ругаю...

— Да, могу быть решительной, но никогда сплеча рубить не буду, а ругаюсь с окружающими для их же блага и интереса.

— Какой-то журнал опубликовал под видом сенсации список настоящих фамилий наших некоторых звезд. Среди них была и строчка: Надежда Заседателева — сценический псевдоним «Бабкина».

— Да, но Бабкина — моя девичья фамилия. По мужу, он у меня музыкант-барabanщик, я Заседателева. Но всю жизнь я была и буду Бабкиной.

— У вас есть специальное музыкальное образование или вы самородок?

— Я самородок, но закончила три института! Прежде всего сделала это, чтобы быть интересной окружающим. Закончила Гнесинский институт как дирижер и как вокалистка, а ГИТИС — как режиссер. Училась везде на дневных факультетах. Сочетала учебу, работу, гастроли, сессии, воспитание сына, которому нынче восемнадцать. Пыталась не отступиться ни на шаг ни от чего.

— Многие утверждают, что вы сейчас можете занять на эстраде то место, которое раньше занимала Зыкина, Воронцов, но только в вашем, «бешеном» варианте, с эмоциями через край.

— Зыкину я обожаю. В свое время пыталась ей подражать, но очень давно. Воронцов уважаю, а вот Русланову считаю гениальной за ее искренность. А что касается, что я претендую на чье-то место, то это чушь собачья. Я заняла свободное место, просто образовалась вакуум.

— У вас есть сольный концерт или вы так и продолжаете за собой «тянуть» «Русскую песню»?

— С сольной программой я ездила во время отпуска, когда ребята отдыхали. В Тюменской области залы были полны, встречали роскошно. Приглашают меня одну часто, с точки зрения коммерции это куда дешевле, чем возить большой коллектив, с инструментами, костюмами. Но не хочу на себе замыкаться. Зачем? У меня есть любимое, надежное дело, навсегда — это «Русская песня» и мои «детки», которые растут в нашем центре «Русская песня» — «Наследие», «Славяне». У меня есть возможность заниматься хорошим, благородным делом с талантливыми людьми, так что же я его променяю на лишнюю сотню тысяч в месяц! И я счастлива по полной программе, если не считать унижения от всякой бюрократической возни. — Даже сейчас вам мошуют бюрократы?

— Конечно! Боже мой, как же я их ненавижу, этих чинуш! Боюсь, они это чувствуют и поэтому начинают вставать мне палки в колеса. — Я удивляюсь, до сих пор у Надежды Бабкиной нет сольной пластинки. Может, репертуар ограничивается двумя-тремя вашими шлягерами?

— Никто не предлагал мне записать, хотя репертуара у меня не на одну пластинку. Нужны деньги, нужно субсидировать студию, музыкантов, аранжировки. У меня таких больших денег нет. — Странно, такая пластинка могла бы разойтись миллионным тиражом!

— Я народная артистка России, и коллектив у меня на высокой планке, но я не могу вести себя козырно, задрав нос, требовать чего-то себе, если мне этого не предлагают...

У меня нет пластинки, у меня нет до сих пор и клипа, и у «Русской песни» — нет. Мы часто ездим за рубеж, но у нас не имеется рекламного ролика.

— Вас устраивает, как вас снимают, как показывают по ТВ?

— Не всегда. — Я к тому спросил, что, общавшись с вами в жизни, посмотрев вас на концерте, мне показалось, что здесь вы куда более органичны, естественны, разительны. Не происходит ли с вами такого же эффекта, как с иными театральными светилами, которые, попадая в кино, становятся в крупных планах трудноузнаваемыми. Может быть, и вы актриса сцены?

— Не умеют снимать. Вредители! Свет безобразный, операторы и режиссеры выбирают самые невыгодные ракурсы и планы. Получаешься в кадре на сто пятьдесят лет старше, лицо такое, что на экран не влазит.

Тех, кто платит деньги, и снимают изодрываясь, а нас будут и снимать, и показывать абы как. Никогда еще не была я удовлетворена своей съемкой. Вот и вы о том же, о чем мне твердят многие, кто со мной общается: «Надя! Ты в жизни совершенно другой человек. Внешне моложе и симпатичнее, чем на экране». Ну не могут же все льстить! А потом ходи и доказывай, что ты не верблюд. Но без экрана тоже нельзя.

Хотя я по-прежнему считаю свое соло лишь хобби. Мне нравится, людям нравится — почему бы не продолжать. Но как почувствую, что к этому появилось равнодушие или у меня, или у публики, быстро прекращу. И не будет претензий ни к себе, ни к кому, потому что карьере начинать мне уже поздно и стыдно.

— Я как-то видел вас в роли ведущей одной из эстрадных программ и подумал: Бабкина бы утерла нос многим нашим звездам-шоуэманам!

— Почему бы не попробовать? У меня есть своя передача на радио «Бабкин дом». Прямой эфир, один или два выхода в месяц, когда могу разговаривать со всей страной. Передача эта для детей, подростков, но мне пишут и многие родители. Большое дело и очень интересное. Телевидение, к сожалению, не приглашает. Пригласили бы, я бы развернулась! Опять, похоже, все упирается в деньги.

Знаете, я не устану говорить: «Почему я должна платить? Мне должны платить!» Когда мне вручали диплом о звании народной артистки России (Ельцин подписал Указ, это было одно из первых званий народной артистки России, а не РСФСР), то министр так ласково говорит: «Скажите что-нибудь!» Я взорвалась, но говорю как можно более спокойным тоном: «Минуточку! Вы вручили диплом, и что? Это мне спасибо, а не вам. Мне спасибо, что вот я такая стала. Родителям, что гены мне передали, зрителям, что меня приняли. А вы чего? Бумажку мне вручили, и все. Вы помогли мне хоть раз по-настоящему?»

Я на это звание не надеялась, не рассчитывала. Устроила потом праздник: «Бабкина приглашает на блины». Вот там было здорово!

— В «Русской песне» год назад сменился состав. Ушли ваши ровесницы, и теперь рядом с вами молодые певицы. Не ревнуете?

— Ни в коем случае. Рядом с ними чувствую себя еще лучше. Да я им могу дрозда дать, господи! И мне приятно, что они впитывают все как губка. Надо всегда сознавать, что рано или поздно наступит момент, когда я и должна буду себя увидеть в ком-то и красиво уйти со сцены, не причиняя боли другим. Сколько же можно одной тянуть на себя одеяло?

— В Москве на «Русскую песню» ходит народ, а в Питер вы не приезжаете. Бойтесь не собрать зал?

— Это давняя история. В 79-м в Ленинграде, на Всероссийском конкурсе народной музыки, «Русская песня» взяла первое место, ни с кем его не поделив, хотя тогда все знаменитости приехали, а многие еще и с «толкачами». Нас в расчет никто не брал, у нас в коллективе все — не москвичи, какая-то девчонка руководитель. Но мы победили, и Ленинградская филармония пригласила нас на гастроли.

Совсем недавно был шумный успех, блестящий прием, и вот нам не сделали ни одного концерта в городе, нас гоняли по жутким залам и сценам. От нас просто отмахнулись. А когда я попробовала сунуться в городские власти, сразу почувствовала прохладное отношение и к нам, и к нашему жанру. Тогда я сказала: ноги моей не будет в этом городе!

— Надежда Георгиевна, что за злопыхатность! Времена теперь другие, вас знают, любят, ценят...

— Но пока мне не делали предложений, а мне достаточно таких маршрутов, где нас ждут.

Москва — СПб

Фото Игоря ПОТЕМИНА